

Самая большая проблема императора Шэнь-цзуна заключалась в том, что он умер слишком рано, а также в том, что его сыновья не могли выжить. Наследовавший ему Чжэнь-цзун также был недолговечен, что привело к восхождению на престол его одиннадцатого сына, которого звали Чжао Цзи, а храмовое имя — Хуэй-цзун.

Новости из внутренних покоев невозможно скрыть. Уже через несколько дней многие знатные особы узнали о совместном указе трех дворцов. Наложницам запретили использовать свинцовые белила, в мазях и помадах нельзя было использовать ртуть и мышьяк, а благовония стали использовать реже. Императрица Сян также сказала, что при следующем выборе наложниц нужно будет выбрать больше девушек из простых семей, с крепким здоровьем, и они должны быть без макияжа, «естественными и необработанными».

Те, кто был в курсе событий, сразу же догадались, что это связано с «императорским потомством». Ходили слухи, что из дворца отправили людей, чтобы обойти несколько крупных даосских храмов, и даже в мастерских перестали производить киноварь. Таким образом, свинцовые белила, киноварь и ртуть действительно вредны для потомства.

Продолжение рода — важное дело для любой семьи, и в Восточной столице спрос на свинцовые белила резко упал, а пудра «Пурпурный иней» и помада, сделанные из ртути, исчезли. Зато рисовая пудра и румяна стали продаваться быстро, во многих лавках их не хватало, что стало поводом для радости одних и печали других.

А парфюмерная лавка семьи Хань стала принимать знатных гостей. Каждый день у входа останавливались экипажи, а «Возвращение весны» с блестящими серебряными зеркалами было быстро раскуплено. Даже новые летние товары были заказаны в большом количестве, все за наличные, без скупости. Ведь на банкетах и прогулках по садам без мягкого и сладкого аромата, как весенний ветер, и без блестящего зеркала в руках было просто неприлично появляться.

Однако эта волна ажиотажа не достигла лаборатории в маленьком дворике. Чжэнь Цюн по-прежнему каждый день с удовольствием плавил пилюли, изготавливал мыльный раствор, глицерин и другие ингредиенты, а затем считал на пальцах, сколько осталось до конца месяца, чтобы получить свои сто монет жалованья!

Сегодня он только начал разжигать печь и еще не успел надеть защитную одежду, как Аньпин прибежал с докладом:

— Наставник, господин Ми пришел с визитом.

Господин Ми? Неужели это тот самый Ми Фэй, этот негодяй? Чжэнь Цюн собирался отказаться, но подумал, что уже подарил Ми Фэю столько мыла, а вдруг он пришел с благодарностью и деньгами? Не встречаться с ним было бы расточительством.

Покряхтев, Чжэнь Цюн нехотя потушил огонь и вышел из лаборатории. Аньпин был сообразительным и знал, что наставник Чжэнь точно не выйдет встречать гостя, поэтому заранее провел его во дворик.

Как только Ми Фэй вошел во двор, он заметил несколько величественных камней Тайху у пруда. Он очень любил причудливые камни, и, увидев такие прекрасные экземпляры, сразу же подошел к ним. Когда Чжэнь Цюн вышел, он увидел, что Ми Фэй стоит на цыпочках у края пруда, будто собирается прыгнуть в воду.

— Что ты собираешься делать? Рыба в этом пруду невкусная, — настороженно крикнул Чжэнь

Цюн.

Ми Фэй обернулся, глаза его горели, и он с восторгом спросил:

— Наставник Чжэнь, знаете ли вы происхождение этих камней?!

Чжэнь Цюн был озадачен, посмотрел на камни и уверенно ответил:

— Это известняк.

Ми Фэй:

— ...

Что за известняк? Вся его восторженная речь застряла в горле, и он не знал, что сказать.

Не выдержав, Аньпин слегка кашлянул. Ми Фэй вспомнил, зачем пришел, и быстро достал из-за пазухи два свитка, с улыбкой сказав:

— Мыло, которое вы подарили, действительно очень полезно, и я принес два свитка из своей коллекции в подарок.

Сказав это, он хотел передать свитки, но заметил, что халат Чжэнь Цюна был далеко не чистым, покрытым пылью и пятнами, и ему совсем не хотелось подходить ближе. Поэтому он сделал вид, что не заметил протянутой руки Чжэнь Цюна, и передал свитки Аньпину.

Аньпин:

— ...

Этот парень, наверное, пришел, чтобы устроить скандал? Чжэнь Цюн скрипнул зубами, выхватил свитки из рук Аньпина, развернул их и увидел кучу иероглифов на желтой бумаге, которая не выглядела особо ценной.

Увидев, что Чжэнь Цюн рассматривает свитки, Ми Фэй не удержался и сказал:

— Это свитки «Бушэнь» и «Прощение о рисе», написанные великим учителем Янь эпохи Тан.

— Кем из Тан? — Чжэнь Цюн не понял, как это у человека может быть имя из четырех иероглифов?

— Янь Чжэньцин! — Неужели есть те, кто не знает Янь Чжэньцина? Голос Ми Фэя повысился на две октавы.

Этот человек действительно известен? Чжэнь Цюн вырос в даосском храме, слышал множество имен истинных людей, великих мастеров и академиков, но никогда не слышал о каком-то Яне. Но, судя по высокомерному виду Ми Фэя, он, должно быть, известен? Поэтому Чжэнь Цюн прямо спросил:

— Сколько стоят эти два свитка?

— Каждый не менее пяти тысяч монет! — с гордостью ответил Ми Фэй.

Так дорого? Чжэнь Цюн тут же опустил голову и внимательно рассмотрел свитки, а затем

вдруг спросил:

— Они не поддельные, да?

Вещь стоимостью десять тысяч монет, а этот парень решил подарить ее мне? Кажется, мыло не стоит столько.

Он просто спросил, но взгляд Ми Фэя стал блуждающим. Чжэнь Цюн, многое повидавший, сразу почувствовал неладное:

— Эти иероглифы действительно поддельные? Ты пришел с благодарностью, а подарил подделку!

Пойманный на месте, Ми Фэй немного смутился, но все же сказал:

— Эти два свитка действительно мои копии, но они очень точные, даже эксперты из ломбарда не смогли отличить. Дорогой брат, просто прими их, и когда я стану знаменитым, они обязательно будут стоять...

Чжэнь Цюн чуть не швырнул свитки ему в лицо:

— Кто тебе брат? Ты, щенок, сколько тебе лет, чтобы так называть меня?

Только господин Хань называл его братом, а этот негодяй осмелился?

Ми Фэй опешил:

— Мне осталось два месяца до семнадцати, а вам сколько?

Откуда я знаю, сколько лет этому телу? Но проигрывать в споре нельзя, поэтому Чжэнь Цюн крикнул:

— Мне восемнадцать, я старше тебя!

На лице Ми Фэя появилось удивление:

— Тогда вы немного низковаты для своих лет, я даже не заметил...

— Аньпин, выгони его отсюда! — Чжэнь Цюн чуть не подпрыгнул. — Разве это его вина, что он низкий? Он каждый день делает оздоровительную гимнастику и за полгода вырос на два цуня, он очень старается!

Видя, что разговор зашел в тупик, Аньпин поспешно улыбнулся:

— Наставник, успокойтесь, господин Ми все же сын госпожи Янь, господин очень его ценит.

Ценит ли он госпожу Янь или Ми Фэя — это уже другой вопрос.

Чжэнь Цюн с отвращением фыркнул:

— Ладно, скажи, зачем ты пришел?

Определенно не для того, чтобы подарить подарок, раз уж это копии, что в них хорошего? Скорее всего, ему что-то нужно. Хм, что бы этот негодяй ни говорил, он не согласится!

Ми Фэй, почувствовав, что атмосфера накаляется, поспешно достал из рукава деревянную шкатулку:

— Это серебряное зеркало, которое мать дала мне, я смотрю на эту странную вещь, она из лавки семьи Хань, неужели это как-то связано с микроскопом, о котором вы говорили?

За заслуги в совете вдовствующая императрица Гао подарила госпоже Янь набор «Возвращение весны». Ми Фэй решил, что стеклянные флаконы выглядят красиво, и хотя мать не разрешала ему ставить в них цветы, он все же вынул встроенное серебряное зеркало и носил его с собой.

С этим четким зеркалом Ми Фэй мог в любое время посмотреть, нет ли у него грязи на лице, и ему это очень нравилось. Вспомнив, что Чжэнь Цюн упоминал о «микроскопе», он не смог удержаться и пришел спросить.

— Никак. — Чжэнь Цюн сразу ответил. — Хотя он знал, что стекло, если его хорошо отшлифовать, можно превратить в увеличительное или микроскопическое зеркало, но это было скорее в компетенции Храма Постижения Вещей, а что мог знать он, представитель Храма Творения? Даже если бы он знал, он бы не сказал Ми Фэю!

Ми Фэй немного разочаровался:

— Я обошел несколько храмов, и наставники сказали, что такого нет. Дорогой... дорогой брат, вы действительно не знаете, что такое микроскоп?

Обращаясь за помощью, Ми Фэй проявил необычайную ловкость, даже называя «дорогим братом» без запинки.

Чжэнь Цюн тоже заинтересовался:

— Зачем тебе микроскоп?

Этот парень явно ничего не делает, даже если дать ему микроскоп, он не сможет им воспользоваться.

Ми Фэй ответил:

— Конечно, чтобы наблюдать за микробами, о которых вы говорили. Когда я иду по улице, я могу смотреть в зеркало и не наступать на грязь.

Тебе лучше не знать, если бы ты получил микроскоп, ты бы, наверное, с ума сошел от отвращения. Чжэнь Цюн был уже сыт по горло этим парнем и сказал:

— Если не хочешь касаться грязи, носи перчатки, зачем так усложнять?

— Что такое перчатки? — Ми Фэй опешил. — Он слышал о муфтах, но как они могут защитить от грязи?